

История с водяным демоном заставила Жуни, едва успевший вкусить праздничного веселья, и даже всю Великую Юй вновь погрузиться в пучину панического страха. По всем городским общинам тайком поползли слухи: «Сын Неба лишён благочестия, оттого и не в силах сдержать злых тварей». Извещённый об этом Ли Цзюй пришёл в ярость. Он велел гвардии Цзиньувэй прочёсывать улицы города: любого, кто посмеет обронить подобные слова, следовало немедленно схватить и предать казни вместе со всем родом до девятого колена.

Однако заткнуть рты бесчисленному множеству людей оказалось делом отнюдь не простым. К тому же в Нанья непрерывно похали ливни, обернувшись яростным паводком, который бурным потоком хлынул на север по каналам, прорытым для отвода южных вод. И хотя Се Фучэнь экстренно направил верных людей в пострадавшие от бедствия уезды и области, это не помогло остановить лавину слухов. Повсюду твердили, будто варварское сокрушение гор ради прокладки русла разгневало духов земли, а правители, принимая решения, совершенно не подумали о последствиях, отчего разгневанный горный владыка и ниспослал кару на головы безвинных простолюдинов.

И пусть из страха перед жестокой расправой люди не решались говорить об этом в лоб, они находили множество иных слов для завуалированных намёков. Но даже если нельзя было прибегнуть и к намёкам, в глубине души каждый всё прекрасно понимал. Сама же неистовая ярость Ли Цзюя лишь укрепляла народ в истинности зловещих знамений. Се Фучэнь предостерегал Ли Цзюя, указывая, что сейчас ни в коем случае нельзя подавлять народ силой, ведь именно этого и ждёт Ли Яньи, дабы завлечь его в ловушку.

- Но если не подавить их, неужто Нам покорно смотреть, как они сеют клевету? Смириться с тем, что с таким трудом завоёванное расположение народа вновь будет расколото? - Вэй Лунь был брошен в тюрьму, Линь Цюань и Цзо Сюй один за другим убиты. Казалось бы, инициатива полностью вернулась в руки Ли Цзюя, но он не испытывал ни малейшей радости. Безмолвные глаза Вдовствующей Императрицы Гэн, чей взгляд прежде заставлял его чувствовать себя как на иголках, наконец-то разомкнулись. Она вышла из-за той тонкой занавеси, соизволив потворствовать дерзкому набегу Ли Яньи на утренний приём, и теперь принцесса прямо на совете поучала его, как управлять государством, и раздавала приказы его министрам!

Ли Цзюй не находил себе места от тревоги: он понятия не имел, до каких пор Вдовствующая Императрица Гэн будет удерживать его в узде. Вдовствующая Императрица была мечом, занесённым над его сердцем, иглой, на которую он рисковал наступить в любую секунду, и сущим кошмаром, совладать с которым был бессилён даже Се Фучэнь. И Ли Яньи была прямым продолжением этого кошмара.

Ведя борьбу с Ли Яньи столь долгое время, он уже не раз перехватывал инициативу и загонял её на самый край пропасти, оставалось лишь нанести один финальный удар, дабы низвергнуть её в бездну тотального краха. Но всякий раз в самый критический миг из темноты являлась Вдовствующая Императрица Гэн, чиня ему бесчисленные преграды. Вдобавок Ли Яньи вечно умудрялась переманивать на свою сторону всякий сброд и сомнительных умельцев, которые выстраивали для неё спасительные замыслы, позволяя раз за разом выходить сухой из воды.

- Советник Се! Когда же мы наконец полностью искореним Ли Яньи?! Сейчас, когда Цзо Сюй и остальные мертвы самый идеальный момент! Мы не должны упустить его! - Ли Цзюй сгорал от нетерпения.

- Вашему Величеству ни в коем случае нельзя поддаваться порыву. В сию минуту главнейшая задача определиться с кандидатурой на пост шаншулина, до конца сокрушить Вэй Луня, вырвав клан Вэй с корнем, и предать суду ту ведьму из рода Вэй. Стоит семье Вэй пасть, как Ли

Яньи окончательно останется без единого верного человека. И тогда у старого слуги будет стопроцентная уверенность в том, что Ли Яньи падёт. С её падением вся Поднебесная намертво окажется зажата в руках Вашего Величества, и тогда народная любовь станет для вас не более чем послушной игрушкой, которой Ваше Величество сможет крутить как угодно. Однако...

- Какие у советника Се сомнения?

- Дело лишь в том, что подле Ли Яньи, судя по всему, объявился новый стратег, чьи методы ведения дел крайне причудливы и коварны. Нынешние слухи о водяном демоне определённо дело рук этого человека, тайно пакостящего нам из темноты. К тому же подосланные вашим покорным слугой наёмные убийцы донесли, что Ли Яньи невесть откуда раздобыла партию жуков и держит их в поместье. Стоит поднести к ним отраву и они мгновенно начинают светиться синим огнём, из-за чего лазутчики никак не могут нанести удар. Почерк этого мастера нам совершенно незнаком, Ли Яньи прежде никогда не действовала в подобном ключе.

- И кто же этот человек?!

- Старый слуга как раз ведёт доскональное расследование.

- Судьба Ли Яньи уже исчерпана, а кто-то всё равно упрямо прыгает вслед за ней в полыхающий костёр, что за безмозглые твари! Советник Се... нет, великий главнокомандующий Се, кого вы считаете достойным занять пост главы имперского секретариата?

- По мнению вашего покорного слуги, министр чинов Янь Чжэнь вполне способен справиться с этим бременем.

- Отлично, пусть будет Янь Чжэнь! Это дело нельзя афишировать. Мы тайно направим указ о назначении прямо в поместье Янь, а на следующем утреннем приёме Мы прилюдно и разом объявим о наделении полномочиями Дасуму и Шаншулина. Хм... командующий Се, до Нашего слуха долетали вести, будто господин Янь весьма искусен в любовных утехах и покорении дев, и умудрился произвести на свет аж шестнадцать сыновей - это правда?

Се Фучэнь отозвался:

- Отвечаю Вашему Величеству: у господина Яня действительно шестнадцать сыновей, из которых четверо рождены законной супругой, а двенадцать наложницами.

- И у него не родилось ни одной дочери? - с живейшим любопытством допытывался Ли Цзюй. - Неужто у него есть для этого какой-то особый, секретный метод?

Се Фучэнь не стал торопиться с ответом, отчего Ли Цзюй почувствовал себя довольно неловко.

Ли Цзюй знал и любил Фэн Си с тех пор, как он был ещё принцем Чэхуанем. Эти двое вместе прошли через бесчисленные бури и невзгоды, рука об руку добравшись до нынешних дней. С великим трудом она наконец понесла плод императорской крови, они всей душой надеялись, что посреди этих бурных политических потрясений на свет появится крепкий наследник престола, способный удержать и стабилизировать Поднебесную. Но они и представить не могли, что дитя, на которое возлагались столь колоссальные надежды, погибнет сразу после рождения, да вдобавок окажется девочкой... Этот трагический исход заставил Ли Цзюя вспомнить, что среди родственников и в роду самой Фэн Сии рождалось на редкость много

дочерей. К настоящему моменту здоровье Императрицы после тяжёлых родов всё никак не приходило в норму. Ли Цзюй свято помнил наставления Се Фучэня, а потому приказал новоназначенным придворным лекарям бросить все силы на восстановление её организма, три дня назад им наконец было дозволено разделить супружеское ложе.

Вот только даже если они ценой титанических усилий снова смогут зачать дитя, император смертельно боялся, что на свет опять явится принцесса и тогда у Вдовствующей Императрицы Гэн вновь найдётся целый короб спасительных доводов для упреков, что изрядно измотало и замучило Ли Цзюя. Ему было жизненно необходимо как можно скорее произвести на свет сына, дабы провозгласить его наследным принцем. Наличие законного преемника в руках стало бы для него мощнейшей победной картой. А что же Ли Яньи? Если она сама вздумает объявить себя императором, это будет в высшей степени незаконно и лишено сакрального права, не говоря уже о том, что у неё нет преемников, Ли Яньи до сих пор даже не сочеталась браком с кем-либо. И даже если она силой оружия захватит эти земли и алтари Поднебесной, кому она передаст трон в грядущие дни?

Думая об этом, Ли Цзюй ещё больше нервничал. Кто-то предложил ему благоволить другим наложницам в гареме, но Фэн Кунь всё ещё был жив, и большинство мужчин семьи Фэн занимали важные должности при дворе или неоднократно добивались боевых заслуг на северном фронте. Власть семьи Фэн оставалась огромной, и если бы он искал внимания других наложниц, чтобы родить сына или дочь, он боялся потерять поддержку семьи Фэн. Более важно то, что он действительно любил свою Цзытун и, в отличие от других императоров с тысячами в гареме, он хотел только свою Цзытун.

Он давно слышал, что семья Янь обладает древней секретной техникой, специализирующейся на рождении сыновей. Будучи благородным императором, Ли Цзюй находил это несколько затруднительным для обсуждения со своими министрами.

Се Фучэнь, однако, не явил на лице ни улыбки, ни тени смущения. Его голос звучал ровно и размеренно, он даже не стал умышленно понижать тон, словно они рассуждали о самых обыденных государственных делах:

- Неужто из-за титанических повседневных трудов и душевного истощения во время исполнения супружеского долга силы то и дело изменяют Вашему Величеству?

Се Фучэнь спросил так прямо, что Ли Цзюй закашлялся и вздохнул:

- Верно, каждый раз, прежде чем Императрица будет полностью удовлетворена, я просто...

- Ваше Величество ежедневно решает мириады важнейших дел, и ваши жизненные силы истощены. У любого человека на вашем месте наступил бы миг упадка энергии. Вот только секретный метод Янь Чжэня едва ли подойдёт Сыну Неба.

- О? И почему же?

- Янь Чжэнь на протяжении долгого времени непрерывно курит «порошок фужун». Он использует чудодейственные свойства этого снадобья, дабы многократно умножить мужскую силу и приумножить семя, что позволяет ему вести любовные битвы ночи напролёт, совершенно не ведая усталости.

- Порошок Фужун? - при звуке этих слов Ли Цзюй слегка нахмурился. Он, разумеется, прекрасно знал, к каким страшным последствиям приводит курение «порошка фужун»: жесточайшая зависимость заставляет человека принимать дозу снова и снова, и стоит

токсинам проникнуть глубоко в плоть, как очистить организм от этой заразы до конца дней будет уже невозможно. Ныне едва ли не вся элита, аристократы и высшие сановники Великой Юй повально пристрастились к курению «порошка фужун». В прежние годы Ли Цзюя тоже не раз пытались совратить этим зельем, но он сумел устоять перед искушением. Однако сейчас слова Се Фучэня заставили его сердце бешено заколотиться от соблазна:

- Советник Се, это истинная правда? Неужто этот «Порошок Фужун» и впрямь обладает столь сакральной силой?

- Старый слуга лишь передаёт слова самого Янь Чжэня, лично я никогда не проверял это на своём опыте.

Лицо Се Фучэня на миг сделалось неестественно жёстким. Ли Цзюй вдруг вспомнил, как Фэн Кунь ранее похитил А-Синь и насильно напичкал её «Порошком Фужун», дабы вбить клин между Ли Яньи и Вэй Тинсюй. Се Фучэнь хоть и ни разу не заикался об этом, но определённо давно обо всём ведал. Поняв, что развивать эту тему сейчас в высшей степени неловко, император поспешил сменить тему, обратившись к советнику:

- Завтра же призови Янь Чжэня к Нашему двору, Наша царственная особа желает лично потолковать с ним об этом.

- Слушаюсь.

- Что же касается ведомства верховного судьи... Мы уже давным-давно мечтаем упразднить его и стереть с лица земли. Как только Янь Чжэнь официально вступит в должность, ты вместе с ним подашь коллективный императорский указ, изобличающий Гуань Сюня. Мы отказываемся верить, будто это ничтожное ведомство сможет и дальше безнаказанно вершить произвол над нашими слугами.

- Повинуюсь высочайшему указу.

Се Фучэнь поднялся в повозку, покинул Запретный город и вернулся в поместье Се. Прогуливаясь по саду, он небрежно коснулся ладонью распустившейся ветви вишни и промолвил, словно разговаривая сам с собой в глухой тишине:

- Она уже успела подобраться к самой Ли Яньи и войти в её доверие... Это воистину превзошло все мои тактические ожидания. Изначально я лишь намеревался оставить подле Вэй Тинсюй верную пешку для сбора разведанных, но кто бы мог подумать, что к сегодняшнему дню эта фигура займёт позицию, способную объявить врагу финальный шах и мат - «Цзянцзюнь».

Из-за искусственной каменной горки бесшумно вышел молодой господин в простых домотканых одеждах. Этот человек двигался столь безупречно и тихо, что даже при выходе из тени скал не было слышно ни единого всплеска шагов, точь-в-точь парящий во мраке призраков. Сим человеком оказался Янь Е - та самая смертоносная, скрытая стальная стрела, которую Се Фучэнь запрятал в широком рукаве своего заговора.

Янь Е доложил:

- Все эти бурные слухи о водяном демоне, что терзают Жуний последние дни, были запущены непосредственно ею. Благодаря тому, что её инсценировка с «явлением духов» увенчалась колоссальным успехом, она уже превратилась в главную любимицу и доверенное лицо в

окружении Ли Яньи.

- О? А я-то гадал, кто умудрился состряпать столь топорный, но действенный замысел... а это, оказывается, её рук дело, - Се Фучэнь мягко улыбнулся и, резко сжав пальцы, со свистом переломил сочную ветку цветущей вишни.

Се Фучэнь опустил свои длинные, густые ресницы, со смутной меланхолией взирая на этот распустившийся во всей своей пышной красе цветок, впитывая его тонкое благоухание:

- Что ж, пришёл час заставить её исполнить своё истинное, великое предназначение. Выступай в путь, - с этими словами Се Фучэнь намертво сжал ладонь, в мгновение ока растерев нежный цветок в кровавое, липкое месиво.

Чжэнь Вэньцзюнь и впрямь превратилась в самого фаворитного и приближённого советника подле Ли Яньи. Теперь, помимо Линь Юэ, за ней целыми днями неотлучно следовала целая орава благородных молодых учёных, наперебой подносявших ей изящные платки и дорогие ювелирные дары. Чжэнь Вэньцзюнь прекрасно знала, что у юношей Великой Юй заведено дарить дамам сердца шёлковые платки, причём они вечно соревновались в качестве ткани и вышивки, чтобы выставить напоказ богатство своего рода. Не говоря уже о сияющих, чистейших самоцветах, где каждый камешек ценился на вес золота.

Вот только Чжэнь Вэньцзюнь всё это было не по душе. Странное дело: находясь в самом нежном возрасте первой девичьей влюблённости, она не испытывала к этим изнеженным знатным сынкам ни малейшего интереса. Окажись на её месте любая другая девица низкого происхождения, которую в один прекрасный день внезапно принялись бы осыпать знаками внимания бесчисленные столичные наследники именитых кланов, она бы от счастья и гордости засияла ярче весеннего цветка. В самых потаённых уголках души Чжэнь Вэньцзюнь, конечно, тоже копошилось слабое тщеславное удовлетворение от собственной востребованности, но почему же она никак не могла искренне этим увлечься?

- Ты, кажется, совсем не рада.

Выходя со двора, Чжэнь Вэньцзюнь не любила садиться в карету: она привыкла лично ездить на Юньчжун Фэйсюэ, держа бразды правления собственным путём в своих руках. Линь Юэ, будучи хрупким учёным, в седле держаться не умел, а потому всюду следовал за ней на повозке. Экипаж он доверху забил запасами чистой воды и еды, чтобы при малейшем намёке на голод или жажду Чжэнь Вэньцзюнь могла тотчас насытиться. Линь Юэ давно подметил, что приторные любовные послания вызывают у неё лишь скуку, тогда как хорошее вино и сочное мясо привлекают её куда сильнее.

Восхищаясь ею как неординарной женщиной с потрясающе прямым и искренним нравом, Линь Юэ сменил тактику ухаживаний. Но в последнее время, несмотря на лавину обожателей и великие заслуги перед Старшей Принцессой, на её лице всё чаще сквозила вымученная, напускная улыбка. Даже если другие этого не замечали, Линь Юэ был твёрдо уверен, что способен безошибочно считать ту глубокую тоску, которая одолевала Чжэнь Вэньцзюнь, стоило ей остаться наедине с собой.

На эту его реплику Чжэнь Вэньцзюнь даже не подумала ответить. Она продолжала мерно покачиваться в седле, погруженная в какие-то свои далёкие мысли.

Линь Юэ принялся расточать старинные шутки, тщетно пытаясь развеселить её, но Чжэнь

Вэньцзюнь пропускала его речи мимо ушей. Достигнув окраины города, она натянула поводья у ворот полуразрушенного заброшенного храма. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что вокруг нет ни души, она велела Линь Юэ подождать её снаружи.

- Позволь мне войти вместе с тобой, - взмолился Линь Юэ. - У Старшей Принцессы полно смертельных врагов, а ты ныне её главная, завидная фигура в окружении. Столько хищных глаз неотрывно следят за каждым твоим шагом, одной идти внутрь слишком опасно.

- Не нужно, я справлюсь сама, - Чжэнь Вэньцзюнь выдавила слабую, натянутую улыбку. - Раз уж всё обстоит так, как ты говоришь, тем более не смей соваться за мной. Случись что недоброе, мне ещё придётся тратить силы, чтобы вытаскивать тебя из беды.

Линь Юэ: - ...

- Ступай лучше домой, раздели ужин со своей матушкой.

Чжэнь Вэньцзюнь намертво привязала Юньчжун Фэйсюэ у ворот разрушенного храма и в полном одиночестве переступила порог святыни. Линь Юэ, страшась навлечь на себя её гнев, не посмел послушаться: он чинно устроился на козлах кареты, оставшись ждать её снаружи.

Внутри храма пятеро детей, облачённых в бурые холщовые рубища, дожидались её уже довольно давно. Чжэнь Вэньцзюнь подошла ближе, поигрывая увесистым кошельком с монетами, и спросила:

- Ну что, выучили балладу, которой я вас в прошлый раз обучила?

Дети хором крикнули:

- Да!

- Отлично! Спойте-ка мне её разок.

- Ливень хлещет, рушатся плотины, духи гор в ярости, а народ в беде... - дети принялись петь, забавно покачивая головами в такт мотиву. Когда они закончили, Чжэнь Вэньцзюнь с полным удовлетворением раздала им монеты. Опустившись перед ними на корточки, она строго наказала: - Ступайте на рыночные площади и пойте эту песню там. Ровно через три дня в этот же самый час возвращайтесь сюда, я разучу с вами новую балладу. Будете прилежно учиться и громко петь - серебра для вас не пожалею.

Эта группа детей принадлежала к членам знаменитой в Жунине «Банды нищих», известной своей способностью проникать повсюду в городе Жунин, распространяясь очень широко. Именно через них Чжэнь Вэньцзюнь так успешно наводнила Жунин слухами о водяном демоне и мести горных духов.

Едва дети разбежались, Чжэнь Вэньцзюнь отряхнула ладони и уже собиралась покинуть святыню, как вдруг затылком ощутила резкий порыв ветра и леденящую кровь смертоносную ауру.

Она молниеносно развернулась, на одном лишь чистом инстинкте резко вскинув руку вверх. Тотчас раздался громкий металлический скрежет: пара чёрных кинжалов-стилетов с размаху вонзилась прямо в её предплечье. Этот выпад был неописуемо яростным и внезапным. Переступая порог полуразрушенного храма, Чжэнь Вэньцзюнь тщательно проверила обстановку: внутри не было никого, кроме детей, куч гнилой соломы, рваного тряпья и

обезглавленной каменной статуи божества. Чужое дыхание полностью отсутствовало. Чжэнь Вэньцзюнь с малых лет неустанно практиковала боевые искусства и никогда не пренебрегала тренировками, если бы лазутчик не умел задерживать дыхание до абсолютного нуля, она бы непременно его почуяла. Способность этого человека маскироваться под бесплотную тень, полностью подавляя внутреннюю энергию ци, и в долю секунды наносить смертельный удар внушала неподдельный ужас.

Получив сокрушительный удар в руку, Чжэнь Вэньцзюнь потеряла равновесие. Отлетев назад, она дважды перекувырнулась по земле и опустилась на одно колено, с трудом восстанавливая опору. От дикой боли ей поначалу показалось, что руку пробили насквозь. Но взглянув на предплечье, она увидела, что лезвия лишь располосовали ткань рукава в двух местах, обнажив стальную поверхность железного наруча. Это был тот самый защитный доспех, что подарила ей Линьби перед расставанием. Чжэнь Вэньцзюнь твёрдо затыкала его на руку при каждом выходе в город, зная, что рано или поздно он ей пригодится. И надо же сегодня этот наруч спас ей жизнь.

Она вскинула глаза, пытаясь разглядеть нападавшего, но заметила лишь, как чёрная тень стремительно юркнула в кучу гнилой соломы. Чжэнь Вэньцзюнь прекрасно понимала, что этот мастер боевых искусств ей явно не по зубам, и бросилась к выходу. Но в то же мгновение гряда соломы со взрывом разлетелась во все стороны, и туча мелкого сора и сухой трухи полетела ей прямо в лицо, мгновенно застав глаза. Ничего не видя перед собой, Чжэнь Вэньцзюнь превратилась в беспомощную птицу, запертую в клетке в ожидании скорой казни. В панике зажав между пальцами кинжал "Золотая Цикада", она принялась отчаянно и вслепую наносить рубящие удары во все стороны вокруг себя.

Но её клинок рассекал лишь пустоту. В ту же секунду в спину, прямо под лопатку, ей прилетел сокрушительный удар ногой, от которого она плашмя повалилась на землю. Проявив поразительную гибкость, Чжэнь Вэньцзюнь опёрлась об пол одной ладонью и, используя инерцию этого пинка, кубарем пролетела по земле целый чжан. Из её глаз градом катились слёзы от забившегося сора, но зрение постепенно начало возвращаться. Обнаружив, что лежит лицом прямо к выходу из храма, она истошно закричала во всё горло:

- Здесь убийца! Спасайтесь! Бегите быстрее!

Чжэнь Вэньцзюнь отдавала себе отчёт в том, что её боевые навыки ещё далеки от совершенства. Став костью в горле для стольких врагов при дворе, она знала, что каждый её выход из дома сопряжён со смертельным риском. Ли Яньи выделила ей четырёх теневых стражей для защиты. По логике вещей, при первых же звуках схватки они должны были лавиной ворваться внутрь. Но её уже едва не разобрали на куски, а теневая стража так и не подала признаков жизни, вывод напрашивался один: убийца вырезал её конвой ещё до того, как напасть на неё саму. И даже имея при себе железный наруч и клинок "Золотая Цикада", сегодня ей вряд ли суждено было выбраться отсюда живой. Но раз уж ей суждено сложить голову в этой заброшенной святыне, ей не хотелось утягивать за собой безвинную душу. Своим криком она пыталась заставить глупого Линь Юэ, оставшегося ждать у ворот, как можно скорее уносить ноги ради спасения собственной жизни.

Услышав её истошный крик, Линь Юэ на повозке мгновенно выпрямил спину. Едва до его разума дошёл смысл её слов, он кубарем скатился с манежа повозки на землю.

Сестрица Вэньцзюнь в смертельной опасности!

Линь Юэ лихорадочно обшарил всю карету, но никакого подходящего оружия под руку не

попалось. От безысходности он обеими руками на удивление тяжело выволок из сундука огромный окорок вяленой свинины, который слуги ещё даже не успели нарезать, а в другую руку схватил увесистый булыжник с обочины. Издав дикий, неистовый вопль, дабы нагнать на себя храбрости, хрупкий учёный напролом ринулся внутрь заброшенного храма.

Чжэнь Вэньцзюнь рванули назад за воротник. Убийца одной рукой прижал её голову к земле и уже собирался пронзить её шею чёрным стилетом, когда ворвавшийся в храм Линь Юэ воочию застал эту картину. Издав дикий, истошный вопль, дабы отвлечь внимание противника, он со всей силы швырнул свиной окорок прямо в лицо нападавшему.

Этот рослый и крупный убийца, облачённый во всё чёрное с головы до ног так, что виднелись лишь одни глаза, за всю свою долгую кочевую жизнь на дорогах Поднебесной, верно, ни разу не сталкивался с тем, чтобы в качестве оружия использовали свиной окорок. Взмахом стилета он отбил летящую ногу под самую крышу храма, но из-за этого упустил идеальный миг, дабы оборвать жизнь Чжэнь Вэньцзюнь. Линь Юэ же напролом бросился вперёд, пытаясь мёртвой хваткой вцепиться в руку убийцы, сжимавшую оружие, и неистово закричал:

- Сестрица, беги быстрее!

Не успел Линь Юэ даже приблизиться, как убийца резким пинком отшвырнул его прочь. В эту же долю секунды Чжэнь Вэньцзюнь, извернувшись, нанесла встречный удар и полоснула "Золотой Цикадой" по бедру нападавшего. Взбешённый и уязвлённый этой раной убийца высоко вскинул оба стилета, намереваясь с размаху вонзить их прямо в темя Чжэнь Вэньцзюнь. Её сердце похолодело, чувствуя, что её жизнь вот-вот закончится здесь так необъяснимо. Внезапно убийца издал приглушённый стон и был отброшен, чёрный шип оставил глубокий след. Когда он остановился, из-под его маски сочилась кровь.

Чжэнь Вэньцзюнь была безгранично поражена: позади неё стояла рослая, статная женщина, которая совершенно без оружия, голыми руками, только что нанесла сокрушительный удар. С одного кулака заставить харкать кровью первоклассного мастера боевых искусств - это воистину поразительная мощь. У этой девы были изящные черты лица, глубокие и крупные глаза, и её утончённая красота выдавала в ней чужеземку из племени ху.

Убийца в чёрном, осознав, что мастерство её рукопашного боя безупречно и одолеть такую соперницу ему едва ли под силу, подобно внезапному порыву ветра стремительно бросился наутёк.

- Превеликое спасибо, бесстрашная дева... - Чжэнь Вэньцзюнь, едва вернувшись с того света, всё ещё содрогалась от пережитого ужаса, и её голос заметно дрожал, пока она расточала благодарности. В глубине души она могла смутно догадываться, чьих рук был этот набег, но понятия не имела, кем являлась эта неожиданная спасительница.

Её благодетельница лишь холодно и безучастно мазнула по ней взглядом и, не проронив ни звука, молча удалилась.

Чжэнь Вэньцзюнь закричала ей в спину:

- Бесстрашная дева, умоляю, назови своё имя! Чтобы в грядущие дни я смогла сполна отблагодарить тебя за спасение жизни!

Однако женщина даже не замедлила шага, словно пропустив её крик мимо ушей.

Чжэнь Вэньцзюнь с превеликим трудом приподняла с земли Линь Юэ, который от полученного

сильного пинка лежал плашмя, а перед его глазами всё плыло от дикой боли:

- Ну и как ты? Идти-то можешь? Какая же ты глупая голова: вместо того чтобы бежать без оглядки, вернулся сюда искать свою смерть!

Линь Юэ слабо оскалился в натянутой улыбке, его зубы были сплошь залиты кровью, и изнурённым голосом выдохнул:

- Главное... главное, что с сестрицей всё в порядке... Твой покорный слуга... со мной всё хорошо.

- Не притворяйся сильным, на тебе живого места нет, от силы пол жизни осталось. Запомни раз и навсегда: впредь никогда больше не смей таскаться за мной, это слишком опасно.

- Что... что ты задумала?

- Отнести тебя обратно. Ты ведь сам на ноги встать не в силах, верно?

- Но как я, статный и зрелый муж, могу позволить, чтобы меня на собственной спине тащила хрупкая барышня?!

Чжэнь Вэньцзюнь лишь закатила глаза и, не слушая его возражений, силой взвалила его на себя и дотащила до повозки. Собрав последние остатки душевных сил, она довезла его до поместья Хуайчэнь, после чего сама без чувств рухнула наземь.

Когда она пришла в себя, то увидела подле кровати тётушку А-Цянь, которая заботливо держала в руках пиалу с целебным отваром. Заметив, что раненая открыла глаза, та просияла от великой радости:

- Госпожа Чжэнь наконец-то очнулась! Надобно же было получить столь жуткие увечья, Старшая Принцесса места себе не находила от страшной тревоги. Ну же, осуши эту чашу с лекарством, а я немедленно пойду извещу Её Высочество.

Чжэнь Вэньцзюнь послушно выпила всё до капли, едва горькое снадобье, от которого у неё все черты лица сморщились в комок, скользнуло по горлу, как двери покоев в великой спешке распахнулись. В комнату стремительно вошла Ли Яньи. Перехватив её ладонь, она с безграничной заботой произнесла:

- Сестрица, то, что ты угодила в засаду неописуемо жуткое и опасное происшествие! Этот Ли Цзюй воистину окончательно лишился рассудка и человеческого облика! Ближайшее время даже не думай переступать порог поместья, дабы уберечься от новых бед.

Однако в душе Чжэнь Вэньцзюнь в этот миг зароились смутные сомнения. Неужто напавший на неё убийца и впрямь был подослан Ли Цзюем и Се Фучэнем? Се Фучэнь так долго и бережно внедрял её в окружение Вэй Тинсюй и Ли Яньи, с какой стати ему убивать её до того, как эта фигура принесёт реальную, великую пользу на шахматной доске? Это выглядело в высшей степени противоречиво. К тому же тот наёмный убийца, хоть и обладал недурными боевыми навыками, всё же близко не дотягивал до уровня первоклассных мастеров Поднебесной. Он явно не был тем самым мистическим убийцей, которого Се Фучэнь притащил с северных рубежей и от чьего имени содрогался весь императорский двор. Будь то он, её голова слетела бы с плеч в первую же долю секунды, и ни у неё, ни уж тем более у Линь Юэ не появилось бы ни малейшего шанса дать отпор.

Кто же это тогда? Другие приспешники из фракции Се? Нет, это тоже шло вразрез с логикой шпионажа.

И как раз в те дни, когда Чжэнь Вэньцзюнь безвыездно залечивала раны в поместье Хуайчэнь, до неё неожиданно долетело зашифрованное тайное послание от клана Се.

Содержание этого секретного письма заставило Чжэнь Вэньцзюнь похолодеть от леденящего ужаса.

В тот день одна из служанок принесла коробку румян. Открыв её, Чжэнь Вэньцзюнь обнаружила внутри кусочек киновари, под которым лежал обломок ароматной древесины чэньсян. Смутно чуя неладное, она приподняла щепку, и на самом дне коробочки её взгляду предстал человеческий ноготь.

Чжэнь Вэньцзюнь с предельной, обострённой чуткостью мгновенно осознала: это был тайный знак, переданный ей кланом Се!

Она вихрем выскочила из комнат и окриком остановила служанку:

- Кто передал для меня эту коробку румян?!

Эта служанка была хорошо знакома Чжэнь Вэньцзюнь по поместью Хуайчэнь. Перепугавшись от её резкого и грозного допроса, девица затрепетала:

- Отвечаю барышне: эту коробочку румян ещё ранним утром тётушка А-Цянь велела мне передать вам. Сказала, её прислала сестра по имени Цзычжо... Барышня, что-то стряслось? Что-то не так?

Панический страх служанки доказывал, что она не лжёт. К тому же, раз она сослалась на тётушку А-Цянь, фальсификация была исключена. Чжэнь Вэньцзюнь стоило лишь спросить саму управляющую, чтобы узнать правду. Вещь подбросили под видом подарка от Вэй Тинсюй исключительно ради того, чтобы посылка беспрепятственно миновала охрану поместья Хуайчэнь и попала прямо к ней в руки.

Всё верно: Чжэнь Вэньцзюнь могла со стопроцентной уверенностью заявить, что эти румяна пришли вовсе не от Вэй Тинсюй, а от клана Се! От Се Фучэня!

Киноварь чжуша и древесина чэньсян несли в себе зашифрованный смысл: «Казнить принцессу Хуайчэнь» (Чжу Чжэнь). Се Фучэнь наконец-то отдал ей прямой приказ собственноручно оборвать жизнь Ли Яньи.

Вот каков был истинный приказ Се Фучэня, вот ради чего он когда-то запрятал её в качестве скрытой пешки. В момент самого яростного политического противостояния сделать этот самый рискованный, смертоносный ход, одним ударом перерезать врагу горло. Сейчас она выстраивала для Ли Яньи спасительные замыслы, и принцесса выказывала ей абсолютное, безоговорочное доверие, так что убить её теперь не составляло никакого труда.

Но Чжэнь Вэньцзюнь не могла поднять руку на Ли Яньи и в то же время была обязана это сделать. Подброшенный Се Фучэнем человеческий ноготь был прямым, леденящим кровь шантажом: откажись она повиноваться и её родную матушку постигнет страшная, лютая смерть!

Этот зловещий знак ещё сильнее укрепил её в прошлых догадках: наёмный убийца, пытавшийся забить её до смерти в заброшенном храме, определённо не был человеком Се Фучэня.

Чжэнь Вэньцзюнь намертво зажала чужой ноготь в кулаке.

На самом деле она давным-давно предвидела, что этот день рано или поздно настанет.

Когда-то она уже строила мысленные предположения: прикажи ей клан Се убить Вэй Тинсюй, она едва ли нашла бы в себе силы сделать это. Но если придётся лишить жизни Ли Яньи, в её душе не возникнет столь непреодолимой психологической преграды. И те зыбкие потаённые мысли прошлых дней ныне действительно обратились в суровую явь.

Убить или пощадить?

Разумеется, не убивать.

Она силой свяжет и похитит Ли Яньи, чтобы обменять её на жизнь своей матушки!

<http://bllate.org/book/17227/1721819>